

НОВЕНЬКИЙ

Всю ночь шёл дождь — прорвались небеса. В саду смыло дорожки, недавно засыпанные гравием, снесло клумбы с настурциями. Утром солнце виновато выглянуло из-за облаков с запозданием и вдруг, как бы спохватившись, зажгло сад миллиардами водных жемчужин. Тюльпаны, розы, гвоздики ослепительно сияли под птичий благовест.

К полудню привезли новенького. На тележке ему трудно было ехать по мокрой траве и лужам на дорожке. И его прямо из «газика» подхватили сторож и дворник дома инвалидов и понесли в «приёмку». По пятницам оформляли новеньких.

А парень, кудрявый, розовощекий, с блаженной улыбкой и дикой тоской в глазах, вопил на весь парк:

— Несли меня, хорошего,
Под белы ручки нежные
К твоему крыльцу заветному
На целый вечерок...

— Потихе, парень, — не удержался сторож, плюгавенький, но мускулистый, с лицом видавшего виды мужика. — Распевка будет позже.

— А пусть орёт, — хмыкнул добродушный дворник. — Он, видно, не пообвыкся ещё, свежий.

Новенький перестал петь, но заорал ещё задорнее:

— Хе, уже на руках носят — царская жизнь ждёт!

Он лихо сплюнул в кусты, сторож только тихо вздохнул. Дворник припомнил:

— А прошлый раз матерщинник попался.

Тележку поставили на крыльцо. Вышла баба Маня, толстая, с тыквообразным лицом. Новенький куражливо поклонился ей:

— Это вы за ангела в этом раю?

А баба Маня сразу бросилась обтирать поручники его испачкавшейся коляски:

— Документы твои ещё на той неделе доставили. Но не без хлопот.

— Поспешили! — весело расхохотался новенький.

— Обвыкнешь, обвыкнешь, — сказала баба Маня, поправила у него завернувшийся воротник, пригладила волосы и вдруг всплеснула руками:

— Слава богу, хоть один будет свой красавец, а то все криворозе и доходяхи поступают.

— И сама ты хоть куда.

— Ох, ты, — качнула баба Маня головой, — лучше б поревел.

Новенького поселили вместе с другим безногим — Гришей, в угловую комнату. Здесь стояли две кровати с низкими ножками, так что казалось — постель лежит на полу. Окно было большое и низкое, а сама комната узкая, хоть и длинная.

— Да как же мы будем здесь разъезжаться?

— Я тебе уступлю дорогу, — дружелюбно ответил новенькому Гриша.

Был он рябой, курносый, а волосы носил ёжиком. Мягкая улыбка озаряла его крупные, ровные, красивые зубы.

— Тебя как зовут-то?

— Кажись, Алёшей все звали, — вытащил из нагрудного кармана пачку «Прибоя» новенький, бросил её на кровать. — Да только теперь забудут, как меня зовут. Всё, испарился.

— Авария? — спросил Гриша и сам себе кивнул головой. — Трудненько привыкать. Я убогий с рождения. Так оно легче. Меня забыли сразу. И то хорошо.

Тихонько и даже как-то весело он стал рассказывать о порядках дома инвалидов, постоянно добавляя слова «лучше да хорошо».

Алексей, как бы слушая вполуха, закурил, потом перебил:

— А знаешь анекдот, как безногий и безрукий соревновались?

Начал рассказывать, то и дело закатываясь. Гриша серьезно смотрел на соседа. Алексей отвернулся, и пепел посыпался на белую простыню.

Целый день его звонкий с трещинкой голос взвизгивал в комнате, в коридоре, в столовой. Он сыпал шутки направо и налево. Ущипнул за бок голубоглазую медсестру Татьяну Павловну. Она отчитала его и тут же подарила флакончик с витаминами. Бабу Маню он окрестил Афродитой. Она грозила ему толстым корявым пальцем.

Обитатели встретили новенького настороженно. Он был слишком шумным здесь. Только блаженный Шурик (его звали так за странную кривую улыбку) довольно кивал головой.

К вечеру новенький утомился. Лёжа на кровати, он глядел в сиренево-серый потолок с тёмными тенями по углам. В сумерках глаза Алексея поблёскивали свирепо. Молчали.

— Ты что, так всю жизнь здесь и прокантовался? — тихо вдруг спросил новенький.

— Был и в другом доме инвалидов.

Опять молчали. Потом начал уже Гриша:

— Ты себя не жалея. Радуйся, на тебя благодать сошла.

Алёша молчал.

— Благодарь, — повторил Гриша. — Нет, Бог нас не списал. Кем ты был, когда у тебя были две ноги? Никем! Человечишкой. Прыгал, дрыгался, ублажал свои желания. Побежал туда, побежал сюда, а всё бестолку. Ну какой прок был от твоей суеты? Какой она след оставила? Никакого.

Алёша молчал.

— А теперь ты вроде стал свободный от самого себя. Не ублажать будешь, а к жизни приглядываться. И коль повезёт тебе попасть на нужный перекрёсток, ты пожалеешь не нас, инвалидов, а тех, кого судьба не лишила гордыни. Человек ведь в гордыни пребывает: всё смогу. А может только тогда, когда без гордыни окажется.

Алёша молчал. И непонятно было, то ли соглашается, то ли не хочет слова терять, то ли найти нужных не может.

А потом, когда они снова долго молчали, он вдруг удивлённо произнёс:

— Глянь в окно. Звезда взошла. Сколько дней я не видел звёзд.

Но теперь молчал Гриша, и тишина покрыла слова новенького.

РУССКАЯ ДУША

Посвящаю Н. А. Володину

Каждого, кто попадал в тюрьму № 13 центральной губернии России, встречала любопытная наглядная агитация. На одной доске был изображён портрет ударницы коммунистического труда ещё тех досточтимых времен, женщины цветущей, мускулистой, за что, видимо, портрет и был почитаем начальством. Рядом сверкала календарная заставка длинноногой красотики с плотоядным взглядом в купальнике, где явно сэкономили материал. И тут же скорбный лик Казанской Богородицы.

Эта же наглядная агитация провожала и того, кто своевременно покидал стены тюрьмы, вероятно, с надеждою на свободе по-иному взглянуть на неуловимый образ женщины, труженицы и мученицы, за которую уже столько пересидело мужиков.

Так повелось, что, выходя из тюрьмы, многие сразу же бросали якорь неподалеку от неё, в местном селе Яровец. Не все жаждали на долгожданной волюшке кантоваться бомжами, тянуть безработную лямку и любоваться на остатки сокрушенного некогда очага.

Село Яровец без всяких планов и перспектив, будто по чьей-то дерзкой воле, росло и расширялось. И вскоре было уже названо совхозом имени Георгиевского. Местные районные власти вначале заартачились. Почему-то совхозу прилепили имя ещё живого человека. Но сам Георгиевский весело и добродушно хохотал, показывая все крупные розоватые зубы, а его по-детски простодушные глаза посверкивали, совсем не выказывая честолюбивых наклонностей. И потом он и в самом деле в некотором роде был знаменитостью в районе. Этаким богатырь, вытаскивал одной рукой увязший в грязи Яровца автомобиль любой марки. К тому же начальство к Георгиевскому было несколько снисходительно. Сколько у него в районе жило рецидивистов, а с каждым ладил.

— Георгиевский, ты какой-то предок Макаренко.

— Да что же, я не понимаю? Ворюга, насильник — это клеймо, смыть его и забыть — вот что ребяткам надо. Вот тебе дело, оно тебя

ждёт, попробуй. Эх, какие есть ребята, да царя в башке нет.

— Ну, ты царь совхозного масштаба.

— Царь? — удивлённо спрашивал Георгиевский и хохотал.

Ну, что хоть всё пытались найти пружинки, которые он вроде подтягивал. Да как же не дивиться? Дисциплина ого какая! Никаких тебе краж, пьяных драк. Бывший ворюга мирно соседствовал с убийцей без всяких территориальных и других бытовых претензий. Идиллия эковская, да и только, куда уж разобраться психологам, всё ещё разыскивающим феномен преступного поведения.

И все пытали, пытали Георгиевского:

— Всё ж как удаётся архаровцев в руках держать, то ж звери, а не люди? Рожи-то какие.

— А у меня они быстро приручаются. Не скалются, а улыбаются. Я как, пусть работают, не мешаю. Я ведь понимаю, у них свои законы, зачем же их ломать, подстраиваюсь. Ничего от них не прячу, у себя не воруют. Никогда не обманываю. И ещё они силушку уважают. А этим меня Бог не обделил. Вот у меня рядом село, всё насквозь верующие. Зайдёшь к каждому — там целый иконостас. Так я хожу к ним о Боге всегда поговорить и архаровцев вожу. Уважают меня, а ребяток жалеют. Так друг другу и помогают. Живём потихоньку.

Когда колхозы и совхозы покачнулись, стали помаленьку разваливаться, снова частники начали отъединяться, в «Георгиевском» никто не пожелал взять землю в аренду, пофермерствовать.

— Не, — заявляли они, — мы уж все как-нибудь заодно.

И стояли крепко на ногах в самые заковыристые времена, когда во многих хозяйствах по полгода зарплаты не получали, а георгиевцы все расписывались в расчётных ведомостях. Не митинговали, а потихоньку работали.

Недавно к ним приехал японец, поди разбери для чего. Раньше его сразу бы уличили в диверсии. А теперь... ну пусть походит, посмотрит.

В соседнем совхозе японец вместе с представителем общества «Знание» Куманевым походили по местной свиноферме, где были свиньи-доходяги. Но японец не столько на свиней обращал

внимание, сколько прилип к старой наглядной агитации, доказывающей, как в здоровой социалистической обстановке добиваться неуклонного привеса свиней. Её давным-давно уже и не замечал никто, а японец всё шурил свои маленькие глазки, покачивал крепенькой головой, наверное не в силах отогнать из неё зудящую мысль, видимо, о несокрушимой пользе тех благих начинаний, которые сокрушили матушку Россию на самом корню.

А в Георгиевском совхозе, где не было совсем никакой наглядной агитации, японец всюду нетерпеливо совал нос и, не видя механизмов для стимулирования труда бывших заключенных, явно нервничал, потирая крепенькой ручкой то одно, то второе бронзовое ушко. Вот здесь он должен услышать особый секрет. Вместе с Куманевым он пошёл на лекцию к георгиевцам.

По случаю первого появления весеннего солнца в этом году Георгиевский предложил послушать лекцию не в красном, все ещё красном, уголке свинарника, а на свежем воздухе, где изредка перекликались вороны, брехали собаки, как раз в трёх шагах от свинарника.

Георгиевцы собрались дружно, в фуфайках, так что кожаные куртки приезжих сразу заблестели на солнце. Все сгрудились у навозной кучи, промёрзшей за зиму до основания, ещё не начавшей оттаивать. Георгиевский предложил лектору забраться на эту кучу, чтобы и обозревать весь народ и прицельней ораторские слова посылать. Туда же выразил желание забраться и японец. Георгиевский подсадил и Куманева, и японца, а сам остался в массах. И пока Куманев растолковывал о нашествии деникинцев в эти места, о том, что историки никак не определятся, в какой стан — врагов или жертв — записать белогвардейцев, японец с жадным вниманием рассматривал серую массу с ярким пятном в лице Георгиевского. Глаза голубые, серые, чёрные, зелёные смотрели простодушно, главное — законопослушно. Уж эти взгляды японец научился разбирать. И на лицах у них была всё та же неистребимая готовность к энтузиазму, как в российских фильмах тридцатых годов. Вот и загадочная русская душа.

Японец устал стоять и без стеснения присел по-американски, чем на короткое время отвлек интерес от мытарств деникинцев. Георгиевцы смотрели на японца с большой серьёзностью до того момента, как он встал с навозным отпечатком на брюках. И как дружно они засмеялись, так же слаженно и замолкли. Георгиевский снял гостя с кучи, ласково спросил:

— Не желаете покушать в домашней обстановке?

Японец сразу же согласился, так как надеялся вблизи рассмотреть загадочную русскую душу.

— Ну тогда пойдёмте к Люсе, — сказал хозяин. — О, какой отменный она борщ готовит, видно, изнутри понимает мужскую душу.

У Люси, дородной, полногрудой, круглолицей яровской мадонны, которая яростно тёрла пол, сидел на диване молодой, смуглый, явно не местный мужчина и сумрачно разглядывал вошедших. Японец разочарованно вздохнул. Он желал изучать только русскую душу.

— Это ваш муж? — деликатным тоном спросил он у Люси, крепко пожавшей ему руку, желавшей, видимо, выразить самое горячее приветствие в лице гостя всему японскому народу и интернациональной идее.

— Это муж? — она прыснула. — Да нет, мой в тюрьме, а этот пока замещает его, на время отсутствия. Они приехали и бригадой у нас коровники строят.

— А муж ваш не убьёт вас, когда вернётся, ведь русские довольно ревнивые? — покосился на блеснувшего чёрным взглядом сожителя японца.

— А нет, — усмехнулась на непонимание гостя Люся, — он шурупит, я молодая, не могу одна.

Из-за цветной занавески высунулись две русые отроческие головки.

— Это ваши детки?

— Да нет же, — вздохнула Люся, — это соседские. Мамаша в тюрьме, отца нет, не объедят.

Люся захлопотала, усадив японца между георгиевцем и сожителем, стала накрывать на стол. Гость продолжал разведку:

— Стычек у вас никогда не бывает?

— Поножовщины? — переспросил Георгиевский. — Не-а. Я архаровцев время от времени вывожу на гульбище и говорю: «Ну, кто

со мною?» По двое одолевают. А потом сядем и начнём тюремные байки заливать. Я весь тюремный фольклор на зубок знаю. А с лекциями вот только вы к нам заехали. Я за справедливостью строго слежу. Кто кого обидит, дело будет иметь со мной. А пьянство... Пусть выпьют, что с ними бороться, только так, если кто опустит глазёнки на самое дно. Тут я в стороне — разбирается коллектив. Понимают: один сопьется — всех утянет. А многие только освободились, хотят воздухом свободы подышать.

Люся разлила борщ по огромным мискам, так что, склонившись над своей, японец мог бы и утонуть в ней. Но он не мог не признать, что Люся понимает душу мужчины, видно, любой национальности. Но вот как ему, японцу, понять русскую душу, которая опустится до самого дна и даже ниже некуда и вдруг вынырнет и очистится от грязи и ила, от навозных ошмётков и прочего дерьма.

Фетовский праздник в с. Клейменово. 2013 год